

Сковорода Григорий Саввич

— (22.11.[3.12].1722, с.Чернухи Полтавской губ.
— 29.10.[9.11].1794, с.Ивановка, ныне Сковородиновка Харьковской обл.) — украинский философ, поэт, педагог, композитор. Учился в Киево-Могилянской академии. С 1759 г. ок. 10 лет преподавал гуманитарные дисциплины в Харьковском коллегиуме. С 70-х гг. вёл образ жизни странствующего нищего философа; сочинения его при жизни распространялись в рукописях.

Для истории астрологии интересно философское учение Сковороды, изложенное в его диалогах и трактатах. Это учение исходит из идеи трёх «миров»: *макрокосма*, или Вселенной, *микрокосма*, или человека, и третьей, «символической» реальности, связующей большой и малый мир, идеально их в себе отражающей (её наиболее совершенным образцом Сковорода считал *Библию*). Каждый из этих миров состоит из «двух натур»: видимой («тварь») и невидимой («Бог»). В обнаружении невидимой природы через видимую состоит, по учению Сковороды, основная проблема человеческого существования, которая решается в подвиге самопознания, в обнаружении «внутреннего», «сердечного», «единого» человека.

Григорий Сковорода

Толкование из Плутарха о тишине сердца

Любезный мой Ириней!

Поздно получил я письмо от тебя, в котором ты просишь меня написать несколько для тебя сентенций, могущих успокоить волнующееся сердце. Под самое сие время припала нужда ехать в Рим с поспешением другу нашему Купидону. Сим поспешением помешал моему намерению, однако мне не захотелось, чтоб он отъехал к тебе с пустыми от меня руками. Ведая же, что ревнуешь быть любителем не блудоукрашенной, но благоодушевленной речи, без порядка из собственных моих заметок наврал много речей, дышущих врачеванием и упокоением сердцу. Ублажаю тебя, друг, ибо ты и милость у вельмож, и громкую, паче прочих, славу в народе приобрел. Не так ходишь, как некий, поминаемый в трагедиях, гордый Нерон... [надувшись тем], что глупый народ во все свои трубы и колокола блаженным его проповедует. Сие презрение мирского тщеславия родилось в твоём сердце от того зерна, которое в душе твоей часто я насаждал. Сиречь: ни алмазные пряжки от подагры, ни драгоценный перстень от хирагры, ни монарший венец не может избавить от обморока. Как же может или богатство, или слава человеческая, или скипетр подать сердцу бесстрашие и великодушие, если не будет в нем дух премудрости и дух крепости, равно утверждающий сердце во всяком состоянии, дабы и гордость житейская не соблазнила и нищета человека не привела в отчаяние? Что же есть

сей дух разума и дух крепости, если не Царствие Божие, обуздывающее и управляющее скотские наши прихоти, дабы, повинувшись духу и шествуя царственным, сиречь средним, путем, не расточали стопы свои по пагубным крайностям и превратностям. Сего ради, по совету Ксенофонтову живя в счастливом состоянии, да памятуем о Боге и да чествуем Его, если хотим, да и Он нас в бедности не забудет, как имеющих к Нему любовь и упование. Слово в слово и муж сердечный поколе еще находится в мирном сердце, как на тихом море, печется предуготовить советы и думы, могущие спасти его от обуреваний. Дабы, чем они благовременнее и знакомее, тем действительнее стали против супостатов его. Пес яростный никоим словом уласкаться не может, кроме тем именем, чем его называют. И сердечные волнения знакомым и постоянным врачевством легко укрощаются¹.

Прочее, тот, кто советует, дабы и желающий успокоить сердце не погрузался во многие ни публичные, ни превратные дела, ошибся. Первая ошибка в том, что дорогою ценою купить нам припадает наше спокойствие. Сиречь доставать оное праздностью и будто всем нам оную воспевать из трагедии эврипидской песенку:

Лежи, окаянный, с покоем на ложе твоём.

Какая же есть медицина в праздности? Она насморка отогнать не может, не только скуки и тоски от сердца. Не большая же помощь от праздности и друзьям нашим, и отечеству, и присным нашим или [домашним].

Вот коль дорого нам станет сердечный мир, если покупать его праздностью. Сверх сего прельщается, кто думает, будто люди, избегшие многоделия, живут спокойно. По сему образу жены, дома в праздности сидящие, суть благодущнее паче мужей своих. Но не так оно есть. Ибо хотя нежные девы и праздные госпожи в ложницах своих северною стужей не беспокоятся, но вместо того же скукою, тоскою, амурными горестями, завистными ревнивостями, суеверными ворожбами, затейными и гордыми мечтаниями посреди спокойных горниц обуреваются. И отец царя Уликса через 20 лет, проживая в своей мызе с единою старухой, стол для него уговоряющею, хотя дом и должность царскую с трудами ее оставил, скорбь же и печаль всегда неразлучну имел в своем уединении. Неких же сама собою праздность ввергнула в расслабление душевное. Сие пишет Гомер об Ахиллесе². Сей-де, сидя на морском берегу, распял кипящей желчью ярость своего гнева. Не ходил в какую-либо компанию. Не выходил и на сражение, а только мучил сердце, горящее в битве, взирая на ненавистный для себя воинский театр. Но и сам, жестоко огорчен, бодает следующим словом: «Лежу празден в гавани негодной и только брег обременяю». Отсюда даже сам празднолюбец Епикур советует честолюбцам, дабы последовали своей природе и принимались за гражданские дела. Не получат-де спокойствия в праздности, если не улучат туда, куда родила их мать — натура. Ни вздор ведь плетет, приглашая к чинам не чина достойных, но не терпящих праздности³. Воистину бо и многоделие и праздность есть суета, но красота сердца есть страна и град спокойствия; скверная же душа есть море мучений. И сказал я и еще сказать хочу, что и уклониться от блага, и сотворить зло есть равная мука. Мирская мода привязала спокойствие к одной какой-то жизни, например, сельской, безженной, царской, но ложь сия на театре Менандровом следующими обличается словами: «О друг, я думал, что богатые не вздыхают и что бессонница не ворочает их на постели мягкой...» Потом, заглянув в волнующееся сердце, так мудрствует: отсюда видно, что в свете жить без беды Бог никому не написал, хоть он и богат, хоть высок, хоть низок и нищ. Теперь не могут извинить своего безумия те, кто, путь своей жизни оставив, берутся за другой, дабы тем избежать беспокойства. Они подобны не приобыкшим к мореплаванию. Сии боязливцы хотя из корабля опустилися в шлюпку, однак равно тоскою и блеванием мучатся, занеши с собою и туда страх смертный в сердце и в утробе своей желчь. Так и безумная душа, своим состоянием наслаждаться не наученная, хотя из жизни в жизнь преходит, но везде грустит и мятется, носящая внутри источник огорчений — растленное сердце. Сим образом богатые и нищие, женатые и

безженные и все прочие беспокоятся. Через сие бегают из должностей, но паки праздность скучна. Через сие рвутся показаться при дворе, а показавшись, досадуют... Больному телу, слабому уму угодить трудно. Больной и на супругу, и на лекаря желчен. Скучен ему пришедший посетить приятель, а отшедший — досаден. Мягчайшее ложе жестко ему. Смотри же, как только воссияло здравия ведро, тогда превкусною пищею мерзевший самую простую вкушает со сладостию... «Какая причина источила Вашему величеству слезы?» — вопрошают министры Александра Македонского. «Как же не плакать, братцы? В сию минуту слышу от философа, что в мире не один мир есть, но и числа им нет. Ах! А мы доселе и один мир не вовсе покорили». Но душа любомудрая, древний Кратес, кроткими замыслами кроткого духа легко и сладко проплыл своего жития пучину. Коль горестно страдал первовоевода греческих войск под Троею! А Диоген, живущий в плени, проживал дни во веселии сердца. Сократ в темнице беседует здраво с другими любящими премудрость. Гордый же Фаетон в небесных странах рыдает, для чего не дают ему засесть на царской его отца колеснице. Сапог ноге, а сердцу жизнь сообразуется. Некто мудрец сказал: обычай сделает жизнь сладкою. А я сказываю: сердце чисто зиждет жизнь веселу⁴. Сего ради потщимся очистить источник сердца да все горести, извне нападающие, возможем обратить во спасительные соки. Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад и все прочее? Жизнь наша, будто тавленная игра, наполненная удач и неудач, но здоровое сердце все сие переварит во благо. Все ему поспешествует во благое. Потерявшие же сердце и в удачах мира сего беснуются от жира своего и в неудачах отчаиваются; подобны недужным, ни стужи, ни жары не терпящим. Безбожник Феодор говаривал: «Я-де правою рукою подаю мои советы, а слушатели берут оные левою». Так бессердые люди правый дар Божий приемлют оный левицею во зло. А мужи сердечные и от самых горьких своих горестей, как от терния, умеют собирать полезные плоды, собирая там, где не расточали, и жнут с Богом своим и там, где не сеяли, подобны пчелам, из нечистоты и жестких и колких трав мед собирающим. Итак, прежде всего нужно научиться тому, чтоб мочь все горькое обращать в сладость, дабы мы во всех неудачах могли похвалиться так, как мальчик тот: «Ба, слава-де Богу. Не пропал мой замах. Я бросил камень в собаку, а попал в мою мачеху». Например, изгнали Диогена из его отчизны, а он тем попал в философию. Последнее судно с товаром потопила буря, а мудрый Зенон: «Слава Тебе, Господи! Переводишь-де меня из богатства в нищету. Ныне могу мудрствовать о спасении душевном, а не о телесном богатстве».

Почему ж и ты не подражаешь мудрым? Лишен ты, например, гражданской ли должности? Чего же ты тужишь? Теперь станешь жить, сам для себя трудясь. Лишился ли ты милости у вельможи? Так освободишься опасных комиссий. Утрудился ли уже, отправляя оные? Возвеселись же награде. Какой? Добрая, по пословице, слава лучше мягкого пирога. Житейские ли твои интересы расстроила клеветливая зависть? Отвергни же житейскую печаль, а начни пектись о Господе. Многие воистину утешение сердцу — взирать на великих мужей, равно с нами пострадавших, но ведь равнодушно. Досадно ли тебе, что твоя жена неплодна? Взгляни же на царей римских. Ни один из них не имел наследником сына. Досадна ли нищета? Кому же лучше подражать из римлян, как Фабрицию, нищеты любителю? Или главе всех своих земляков Эпаминонде? Не верна ли тебе твоя супруга? Создатель Дельфийского храма, царь Акид, тоже пострадал. И сие света славы его не помрачило. Так же философа Стильпона нецеломудрая его дочь не помешала отцовскому спокойствию. А порицателям свои отвечал, что зло сие отца не касается. Кто-де око потерял, тот же сам и слеп. Чей грех есть, тому и несчастье, а не другому. А прочие не только своих любезных несчастьем, но и злобою своих врагов беспокоятся. Ведь зависть, ненависть, клевета, памятозлобие сами себя жгут и съедают. И на сих самоубийц не негодует, но сожалеет благоразумный, а безразумный мучится. Не только же соседние свары, но и служительская неисправность беспокоит его. Друг, всем и тебе велит меня обличить дружба. Ты подобен врачам, они горькое горьким, а ты грех грехом врачуешь. Беснуюсь на служительские погрешности. Сие разуму не есть согласно. Нигде вы не увидите, дабы к добрым служителям не были примешаны и злые; а на все их погрешности разговаряются: и должности

вашей неприлично, и спокойствию вредно. В поправке погрешностей будь подобен медикам. Они больному вырывают зуб без дальнейшего возмущения. Исправляйте их с равнодушием. Тогда их неисправность душу вашу не возмутит. И песий обычай на все лаять в сердце твое не войдет. Самых мелочных ошибок не оставляя без наказания и гнева, приведешь сердце твое в такой обычай, что оно сделается смердящею лужею, всякую стечь, всякие досады в себя приемлющею.

Философия и в собственном и в чужом несчастье не жалостью съедать себя, но врачевать советует. Как же не противно разуму беситься и мучиться тем, что не все те добрые и вежливые, с коими нам жить довелось? Любезный мой Иринея, горазд внемли! Не ревность ли и самолюбие гнездятся в сердце нашем, на чужие грехи беснованием завешанные. Ибо из самолюбия рождается горячность в делах, из горячности — нравность и вспыльчивость, ярящаяся даже на самую малую неисправность. Будто чрез нее дурное случилось или нечто доброе не досталось. Добросердый же человек все равнодушно приемлет, без огорчения и кротчайше со всеми обходится. Итак, разжевать сие надобно хорошенько. Вот как! Лихорадке всякая пища противна, а здоровому все приятно. Не видишь ли, что не виновато дело, но тело? Так точно и болящее сердце тем возмущается, что благодушному бывает забавою. Впрочем, много спокойствию помогает, кто отвращает мысль от того, что беспокоит, а обращает к тому, что увеселяет, так как отвращает взор наш на зеленые луга, если его солнечное сияние беспокоит.

А кто погружает сердечное око в случившееся ему несчастье, тот подобен ведьме, которая все в чужом доме видит, а в своем слепа. Подобен и цирюльничьим банкам, самую дурную кровь из тела высасывающим. Подобен и трактирщику, распродавшему доброе вино, а сам испивает дрожжи. «Скажи, что делает твой господин?» — спросили раба его. А раб отвечал: «Посреди добра за бедою гонится». Общий есть обычай в людях: минув забаву, в печали погружаются. Не таков был Аристипп. Он потерял грунтик, земелькою утешал себя остальною и некоему лицемерно сожалеющему сказал: «Если сожалеешь, сожалея о себе — не обо мне. Ибо у тебя един только есть грунтик, а у меня еще три осталось». Отнять у мальчика игрушку — плачет, бесится и все прочие игрушки бросает. Так и сердце неразумное, в одном чем-либо соблазнившись, все свои прочие утехи отвергает. Да чем же нам в печали и в скорбях утешиться? Одному Бог дал чин, другому — дом, третьему — жену, иному дал доброго друга... Некий мудрец, умирая, благодарил Бога за все в его жизни благодеяния, не забыл же и малого сего, что он из Киликийской страны благополучно морем приехал в Афины. Колико способствует спокойствию благодарность! Должно же чувствовать с радостью и самые простые сии Божьи благодеяния, а именно: что мы живы, что здоровы, что солнце нас освещает, что мирное, а не военное время, что не слышно нигде бунтов, что земледелы спокойно пахут, что купечеству пути земной и морской открыты, что, наконец, волю имеем говорить, молчать, дела делать, покоиться...

Сим благоденствием наслаждаться можем с благодарностью, если почаще взирать станем на людей, лишенных оного.

Например, коль вождевленное здравие недужным? Коль пожеланный мир странам, обремененным войною? А глупость в то уже время познает добра своего цену, когда потеряет, [доставая, страдает], имея, не наслаждается, а потеряв — мучится. Будто оно в то время драгоценным стало, когда из их рук упало. Но все почти мы, на чужое засмотревшись счастье, будто на красавицу, в собственной жизни нашей, многими выгодами одаренной, слепотствуем купно, и своим не наслаждаясь, и завистью съедаясь. Вельми же пособляем сердцу нашему тогда, когда на выгоды собственной нашей жизни взираем. По крайней мере да не равняем нас с превосшедшими нас. Сим-то пороком весь мир страждет. А вот страдания цепь: колодник завидует испущенному из темницы; испущенный — тому, кто некрестянин, некрестянин же — гражданину, гражданин — богачу, богачи — вельможам, вельможи — царям, цари — Вселенною владеющему Богу, почти молнию и гром себе из рук Его вырвать жаждущие. Вот мудрый глас:

Хотя пастушком слыву,
В вольных мыслях век живу,
Жизнь столь сладко провождаю,
Лучше в свете не желаю.
Ни на скипетр, ни на злат венец
Не променяю сих овец...

А несмысленный галат, находясь в чести у своих граждан, неусыпаемым снедается червием о том, что он не сенатор, а хотя и сенатор, но не из первых; хотя же из первых, но не председатель; пусть и председатель, но не так славен, как прежний. Не сие ли есть умышленно разжигать ропот на Бога? И самоизвольно адским пламенем жечь свое сердце и мучить? Не делает сего здравая и мирная душа. Она высшим себе не завидует, но хвалится и благодарит Бога за состояние своей жизни, в которой бесчисленное множество людей рады бы жить, если бы дано им было свыше. Не борись с сильнейшим тебя и не равняйся с высшим тебя. Борись со слабейшими тебя и оглянись, коль многое множество ниже тебя и ревнут твоему счастью! Смотри ж теперь, как только зазеваешься на вельможу, сидящего в карете или в портшезе⁵. Тогда ж опусти маленько взор твой на везущих или на несущих его, а когда горний монарший престол блаженным тебе мечтается, тогда ж обрати око твое и на бессчетное множество рабов каторжных и вспомни, коль бы они от Бога желали иметь счастья твоего хотя половину. Куда! «Все дорого в Афинах!» — сказал друг Сократов. А Сократ: «Дорого-де подлинно для роскошно живущих, но, слава Богу, для воздержных все дешево. Хлеб, маслины, простая одежда — все сие недорого». Подобно и мы, если кто нас порицает нищетою и подлостью, в ответ скажем следующее: «Слава Тебе, Господи, довольно мы богаты, когда не бродим по миру и когда хлеб наш едим не в каторжном поте». Прочее, понеже столь мы растлили сердце наше, что не можем не ревновать и не завидовать чужому счастью. Того ради, зевая на высших тебя, не потопляй очей твоих во едину украшенную их маску и благообразную завесу, но пронитай сердечным тут же оком твоим во внутренность завесы: проводишь, что сии их повапленные — ширма и червь, и моль, и многие закрывают горести за собою. Афинский штатгальтер Питтакос мудростью, правдою, храбростью — ей! царственный муж, но сварливой и упрямой супруге своей был рабом. Бесчисленные досады и грусти под позлащенными крышами и в красных углах кроются, а слеп народ не проводит и посему-то завидует. Коль завидна для него царская блистательная рука! Ибо зрит на лицо, а не зрит на сердце. Вот такие-то размышления умерщвляют змиину зависть и рождают свет находить удовольствие в собственной нашей жизни.

Дражайшей от всего мира тишине сердечной не мал вред и от самолюбия. Оно затевает дела не по силе своей. А неудачный конец есть-то терновый венец. Тогда не безумну волю, но обвиняем фортуны. Бес самолюбной воли даже до того бесится, дабы все дарования заграбить, и мучится, если не только садами, зверинцами, оранжереями, но и лошадьми, и псами, и птицами и рыбами не превысил своих ревнителей. Таков был Дионисий, царь Сицилийский. Не довлек ему царский скипетр. Распался превысить Платона любомудрием, а Филоксена — стихословием. Отсюда родились горестные плоды: Филоксену — каторга, Платону — кабала, а царю — червь и моль. Таков не был Александр Македонский. Он чужим дарованиям не завидовал, довольствуясь венцом самодержца. Безумный же народ все качества в едино место слиять и похитить рвется, дабы быть купно и градоначальником и военачальником, богословом и философом, и мирским и монахом; пиктором и поваром; птицею и зверем; теплым и студеным... А ведь и самим святцам не все даются дарования. Одному дано врачевать зубы, а другому — очи. И как можно в едино место совокупить огонь и воду? Сиречь: быть купно придворным царским и быть философом? Ибо философия требует увольнения от всех дел, а царедворец в делах или забавах потопляется. Царедворская пища помрачает любомудрое око. Искание чести и грунта отнимает дражайшее время, служащее любомудрию. Отсюда ясно видно, что всякая пучина, мир сей наполняющая, одному нужна, а другому не потребна. Что же оно такое? И кому нужно? Вспомни пословицу: «Всяк Еремей, про себя разумей».

Всяк должен узнать себя, сиречь свою природу, чего он ищет, куда ведет, и ей последовать без всякого отнюдь насилия, но и с глубочайшим покорением. Конь ли ты? — Носи седока. Вол ли ты? — Носи ярем. Пес ли борзый? — Лови зайцев. Дацкой ли ты? — Дави медведя. А если кто соблазняется и желчится за то, что не дал ему Бог вместе быть и львом, и постельною собачкою, сей есть несмысленный галат. Не лучше же его и тот, кто желает купно и философствовать, и на богатой жениться, и пировать с господами, быть кавалером и быть богатым.

Будь всем тем, что Бог дал, ради,
Разбивай всяк грусти шутя.
Полно нас червям снедати!
Ведь есть свое всем людям.

Всяк жребием своим да будет доволен! Царь — владычеством, богослов — зрением воскресения, мудрец — обретением истины, благочестивый — житием добродетельным, богатый — богатством. Всяк имеет свое зло и добро, и каждому свое дано. А ныне все-на-все рвемся для одних нас заграбить и, будто гроздие от терния, обирать пялимся, возненавидев через неблагодарность собственную жизнь нашу, как бедну и недостаточну. Не сияет ли сия истина и во всемирной экономии? Посмотри на бессловесные животины. Иная кормится зерном, иная — кровью, иная — кореньем. По сему ж образу иная пища пастуху, иная — земледелу; иная — мореходцу и птицелову. Скудельник скудельнику в ремесле завидует, но в житейских статях ревновать не подобает. Бог каждое состояние ограничил с достаточным довольством по мере его. Срамно слышать, что самые благородные люди, не только ученым, богатым, юристам, но и придворным комедиантам ревнуя и ублажая жизнь их, наводят сердцу своему сильную мятежность. Впрочем, разные пристрастности людские дают знать, что в сердце нашем два живут источника приснотекущие: из сего течет беспокойство, а из второго — спокойство. Тайну сию предревние богословы приосенили гаданием вот сим:

Там у Бога у порога две бочки стоят:
Одна с добром, друга со злом.

Тайна сия сбывается во глубине сердца. Смотри же, не так ли оно есть? Фома в худшей жизни весел, а Козьма в лучшей омерзел. Не видишь ли, что в сем сердце горестные, а в том животные струи? Тот и тем, что было, веселится, а сей, имея в руках, смутится. Погребен и засорен животный источник в том сердце, в коем отворился ключ мертвых вод и фонтан денно и ночью изблеивает горькие струи. Такие люди и за прошедшее добро не благодарят Богу, и настоящим не довольны, и, на будущее зазевавшись, жаждою тают. Жизнь их, неключима и вздорна, на части порвана, не имеющая постоянной и союзной сплоченности, будто метла развязана. Она подобна мученику, плетущему веревку в аде идолопоклонническом. Сколько бедняк соплел, то все осел съел. Все то, что миновало, будто из воза пало. Они всегда постель удобряют, но всегда на утро спать отлагают. Немалый вред спокойствию и тогда, когда кто, вспоминая прошедшую жизнь, одни досадные припадки в зеркале своей памяти видит. Сей подобен мухам, не могущим сидеть на зеркальной гладкости, а отпадающим на места жесткие. Живописец светлыми красками одобряет темные. А мы, если коей горести из памяти выскоблить не можем, воображением прошедших и нынешних приятностей да растворяем. Музыкальные органы то напрягаются, то отпускают. Так мир сей и жизнь наша то темнеют, то светятся и без примеси нигде и ни в чем не бывают. Музыканты из высоких и низких гласов составляют прекрасную и сладкую симфонию, а муж мудрый из удачных и неудачных припадков тклет жизни своей постав, и не красное в нем поле взорочными цветами украшает, дабы из горьких и сладких случаев красиво составить жизнь себе, как составляется день Господень из вечера и утра, из

тьмы и света. Добрый и злой ангелы приставляются в рождении каждому человеку. От них-то в сердце противные себе пристрастности, или аффекты: радость и печаль; безопасность и страх; милость и злоба; правота и преступление; законность и беззаконие; удовольствие и досада. И сии-то суть противные оные противных себе двоих оных источников сердечных вечно источаемые струи, творящие жизнь нашу не равнотекущую, но замешательства исполненную. И воистину здравая и мирная душа благие пристрастности любит, обычно притом по врожденной преклонности и падает, но так кораблик свой парусит, дабы из пути не совратиться в излишнюю крайность и не заехать в безмерность, вредную и самим добродетелям. Вот Епикурово слово: «Кто-де бешено не влюбился во тленую сию жизнь, тот всерадостно встречается с завтрашним днем». Не будем бешено падки и жадны к богатству и чести, тогда она будет сладчайшая и трата ее не беспокоит нас. Ибо жаркая жадность рождает жестокий страх, а страх, раздувая пламень жадности, дабы не потерять, мешает наслаждаться. А тот, кто утвердил сердце свое духом премудрости и разума, дерзновенно Богу скажет: «Боже мой, даруешь ли что мне? Благодарю. Отнимаешь ли? Не рыдаю». Таков один посылаемым от Бога даром сладко наслаждается. Мудрый Анаксагор, потеряв сына, сказал: «Он на то родился, чтобы умереть». Не удивляйся только, но купно и подражай. Отнят ли чин? Скажи так: «Я на то брал, чтоб возвратно отдать». Лишен ли богатства? Скажи: «Знаю, что оно протекающе». Неверна ли жена? Скажи: «Она добра, однако же жена». Изменил ли друг? Скажи: «Человек как трава: днесь цветет, утром сохнет». Не говори: «Не ожидал я сего, не чаял, что последует». От нечаяния все страшные удары вырываются.

Царь Персей не чаял, что потеряет Македонское царство, тем и сам с царством пропал. Чем пропал? От печали. Для чего? Не чаял сего. А победивший его Павел Емилиан, скинувши чин, немало не печалился. Он взял на себя, зная, что опять отложить должно. Нечаянность самую безделкою и мудрого Уликса поколеблет.

Бывает же и то, что сама собою вещь не страшна, а мнится быть страшна и сие пусто тревожит. Не почитай же страшною, и не вменяй комара во льва, тогда не повредит тебе. Оно не вредит ни душе, ни телу. А если что случилось прямо тяжелое, утешай себя тем, что сие вообще всех беспокоит. Например, зима, смерть и прочее. Царь Димитрий, доставши город, спросил мудрого Сильпона: «Не потерял ли ты, друг мой, чего-либо твоего при взятии вашего города?» — «Ничего, ваше величество, я не видал, чтоб кто взял мое что-либо». Боже мой! Коль не разумеют люди, что внутри нас тайно живет истинное добро, которое ни тля, ни тать не подкапывает! Зачем же ты, человек, боишься фортуны? Видишь ли, что она у тебя отнять может то единое, что пустое, а над истинным добром твоим не имеет власти? Оно при тебе вовеки, во вечной твоей власти. Сердце твое, мысли твои, дух твой и разум, они есть корень и начало твоей фортуны, подверженные плоти, разумеешь ли? Колика его цена и величество? Ах, узнай себя, человек! Тогда дерзостно до фортуны то же, что сказал Сократ, скажешь: «Клеветники мои могут тело мое убить, но не сердце».

«Тело ты, о fortuna, озлобить и отнять можешь, но дух благочестия, дух премудрости и разума, дух истины со мною пребывает вовеки». Корабельный кормчий не имеет власти над волнами. Хитростью с ними борется, а не могущий победить уклоняется и со страхом ищет безопасности. Но царство и сила, воцарившиеся в сердце мудрого, премудрости Божией легко от всех бед избавляют. А когда неизбежная волна потопить устремляется и течь кораблю грозит гибелью, тогда дух мудрого выскакивает из тела, как из потопляемых лодок, на берег и кефу⁶. Ибо безумный трепещет смерти и посему боится от тела разрешиться. Не потому, будто бы ему нравилась жизнь, которая всяк день тирански его мучит. Он подобен держащему за уши волка. Держать мучительно и пустить опасно. Чистое же и, как весна, светоносное сердце не только не мучится приближающеюся, как гаванью, смертью, но почитает ее отверзающимся и приемлющим его небом и вмещающею в свое недра матерью. Такое утвержденное духом премудрости сердце. Скажи, пожалуй, чем можешь взбунтоваться? Хвалится некто так: «Ушел я от тебя, fortuna, и все приступы ко мне преградил».

Конечно, он не стенами оградился, но мудростью. Не должно же и нам отчаиваться, но, любя такие слова, и самим сему соображаться и приобучаться. Лисица смертно боялась льва, но, несколько раз узревши, дерзнула с ним и беседовать. Почаще помышлять о смерти должно и о прочих горестях. Тогда уразумеем, что многие мы от слепого сего мира ядовитые и лживые испили мнения, которые, если разжевать, тогда из горьких сделаются сладкими. Не можешь подлинно сказать, что не встретится с тобой то или то, но сие заподлинно можешь о себе сказать: «Не пойду путем незаконных и не поревную лукавствующим». Сие в нашей силе, и сия есть единая дверь, во храм ведущая спокойного сердца. Всеми силами печись не раздражать внутреннего судию твоего, совесть твою: от ее единой гнева рождается в душе червие и чирие, денно и ночью ярящееся и лишаящее душу бесценного мира. Раскаяние есть само себя опаляющий пламень. Внутренний жар и холод горшее наводит пристрастие, нежели нашедший, так и внешнее страстие, нежели нашедшее, так и внешняя трата менее наводит досады, нежели внутренняя. Если же кто в тайностях сердечных тайным громом и молниею поражается от совести и видит внутри, в зеркале вечной правды, что сам он есть вина разоренного своего душевного града, таковому сердцу вся тварь, весь мир и все его дарования утешений дать не довлеют. Ни великолепный дом, ни царственный род, ни высочайший чин, ни тысячи золота и серебра, ни учение, ни ангельский язык, но только единая дружественная и милосердная совесть. Она-то есть внутри нас источник всех чистых и честных наших дел, рождающая святую некую кичливость и бесстрашие, отверзающая сердечному оку вечное сладчайшее памяти зеркало, в коем видим нашу твердую надежду, умащающую нас и питающую во время старости. Ветви розмариновые хотя и отрезаны от своего древа и давно уже лежат мертвы, однако духом дышат благовонным. То же и в добрых делах. Хотя давно совершились и время их прошло, но издали милолюбною памятью, как сладчайшим фимиамом благоуханием, услаждают душу, родившую честные чада. Вот чем благочестивый, процветая, цветет муж! Он смеется всем хулящим жизнь сию и оплакивающим, будто плачевную юдоль и плен вавилонскую. Воистину премудрая сия в Диогене мысль! Он, будучи на квартире, спрашивает хозяина: «Куда ты с такой ревностью прибираешься и красишься?» — «Как куда? У нас-де сегодня праздник». — «О друг мой! — сказал Диоген. — Доброму человеку всякий день — праздник». Ей, целомудренному праздник, да еще светлый. Ибо мир сей и голубой свод его не Божий ли есть, святейший всех храмов храм Его? В сей храм от чрева матерного вводится человек — зритель не мертвых и рукотворенных человеческим орудием образов, но тех, кои само собою умное Божество, вечные свои подобию, утвердило на тверди небесной. Вот иконы невидимости его. Солнце, луна, звезды, реки, непрерывно воду источающие, земля, плантам (растениям) пищу подающая. А когда во храме сей, и в таинства его входить началом и виною нам есть жизнь наша. Воистину достойно и праведно есть, да будет исполнена веселия, радости и мира! Не подражайте слепому народу. Он отлагает свое веселие на учрежденные человеком праздники, дабы не сегодня, но в то время наемным поутошиться смехом, зевая на мздоимных театрах⁷. Что за вздор? На комедиях, на праздниках, человеком уставленных, и торжествах опрятны, одеты, тихи, спокойны, веселы, нет тогда плача и смущения, а всеобщий наш праздник Богом узаконенный — торжества виновницу, жизнь нашу, безобразно оскверняем в рыданиях, слезах, в жалобах, в горестях, ропотах, почти всю ее истощаем. Чудо воистину! Сладкогласие в музыкальных орудиях любят. Собственную же свою жизнь без всякой сладости, веселия и утешения оставляют горчайшими пристрастиями, заботами и печалью, конца не имущими, изнуряемую. И не только сами себя уврачевать не пекутся, но и премудрыми друзей своими словами соблазняются. Сие когда бы не мешало, тогда бы и настоящая жизнь бессоблазненна, и прошедшая сладкопоминаема, и впредь благою надеждою утверждена была бы.

К о н е ц

¹ Сими словами бодает философа Сенеку. Но зря. Сенека, пишуци о спокойствии сердца, не влечет человека в праздность, но много затевать не советует. А сим самым отвлекает и от праздности, ибо праздным быть и суеты затевать суть разные крайности и равное безумие. Посреди же сих разбойников Христос — Божия Сила и царственный оный путь: «Аз есмь путь, истина и жизнь». Кримлянину грек сей пишуций не дерзает именно хулить славного римлянина, учителя кесарского, хотя сам вице-герой и друг кесаря Трояна.

² Ахиллес был первый храбростию из всех греческих воинов, разоривших древний град Троию. Он убил Гектора, храбрейшего всех троян. От сего народа произошел род римский и отсюда имя кесарю Траяну — Предтеча. Гомер был первый пророк древних греков: сей есть главный творец истории троянской. У эллинов поэт назывался тот, кто у евреев пророком. Пророческие писания назывались у евреев песнями и творениями, у эллинов музы, пииты, сиречь песни, творения, сотворения. И сюда-то навестки дают слова оные: «В творениях рук твоих поучался». А за Давидом Исаия: «Воспою возлюбленному песнь».

³ Язвит Епикура. Ненавистью помрачен, не хотел раскусить сладости, сокровенной в сем епикурском слове. Нет святее сего слова: природе последовать, мочь нести чин, найти в праздности сладость есть то же с Богом делать, дело делать сладко есть то же достоинство в силе; сила в природе, природа в Боге, как дуб в зерне, пребывает вовеки. Хулит философа за сердечную сладость, потом и сам сказывает, что красота сердечная есть град спокойствия. Будто не то же есть сласть, сладость и красота в сердце, если оно живет вот где: «Душа моя в руках Твоих всегда. Десница Твоя восприяет мене. Красота (сиречь сладость) в деснице Твоей в конец».

⁴ Уколел Пифагора, но не заколол. Пифагор правее его. Он хвалит сердце чисто, а Пифагор перстом, как Предтеча Христа, показывает, где оно. Буйи знает, что блаженство всякому нужно есть, а мудрый видит, где оно. Вот пифагорский догмат, за которого хвостик он ухватился: «Optima id est cognatam vitae rationem elige. Hanc dulcem faciet consuetudo». Сиречь: избери самую лучшую, разумей, природную жизнь. Сладкою ее сделает обычай. Обычай без природы мертв, но с природою все может, он сын ее. Чувствуй, что сердце чистое живет в одной сродной жизни, а когда жизнь природная наша встречается нас не славно, но подло, тогда обычай, сделав ее сладкою, сделает и славною. Ничто же не славно, и сладко, и чисто без природы, без коей и обычай и все мертво; ее единую нарицает Епикур блаженною. Пифагор же, показав, где живет чистое сердце, показал купно, где сладость Епикурова, и чрез сие больше и лучше сказал в двух строках, нежели Плутарх в целой книжице.

⁵ Портшез есть слово (думаю) французское, по-римски — *lectica*, есть род кареты, не конями возимой, но руками рабскими или наемничьими носимой.

⁶ Кефа — по-еврейски гавань, кифа.

⁷ Вот мысль Иоанна Златоустого: праздник-де — не время творить, но чистый помысл. Сердце есть море неограниченное, а помыслы суть волны. Если помыслы тихи, тогда спокойное сердце и не разит его страшное сие учреждение Божие: «Возволнуются нечестивые и почить не возмогут... восходят (волны) до небес и нисходят до бездн. Душа их — в злом таянии».

Сковорода (Григорий Саввич, 1722-1794) — украинский философ, сын простого казака; учился в киевской духовной академии, а потом был отправлен в Санкт-Петербург в придворную певческую капеллу; в 1744 г. получил увольнение от должности певчего, с званием придворного уставщика, и остался в Киеве продолжать учение в академии, но, не имея расположения к духовному званию, притворился сумасшедшим, вследствие чего был исключен из бурсы. Желая пополнить свои познания, Сковорода решил побывать за границей, куда и отправился в качестве церковника при генерале Вишневском. Пешком странствуя по Венгрии, Австрии и, вероятно, по Польше, Германии и Италии, Сковорода знакомился с учеными и приобретал новые познания: так, он изучил языки латинский, греческий, немецкий и еврейский. Вернувшись в Россию, Сковорода занял место учителя поэзии в Переяславле и написал для училища «Руководство о поэзии»; когда же переяславский епископ потребовал, чтобы Сковорода преподавал предмет по старине, Сковорода не согласился, вследствие чего был уволен. В 1759 г. Сковорода приглашен на место учителя поэзии в харьковском коллегиуме, но назначенный преподавать правила благодетельства Сковорода вследствие некоторых мыслей, выраженных им во вступительной лекции и истолкованных в превратном смысле, был присужден к отрешению от должности (в 1766 г.). После этого Сковорода большую часть жизни проводил в постоянных странствованиях пешком по Слободской Украине, останавливаясь по дороге в крестьянских избах и отказываясь от предлагаемых ему должностей и занятий и посвящая свое время поучению людей нравственности, как словом, так и своим образом жизни. К этому же периоду относится и составление философских сочинений Сковороды, которые, впрочем, при его жизни не были напечатаны. Что касается значения философского учения Сковороды, то одни считают Сковороду мистиком и масоном, последователем мартинистов, другие называют Сковороду рационалистом. Причиной такого разногласия является то, что сочинения Сковороды до последнего времени не были собраны; напечатаны были лишь некоторые из его трактатов. Только с появлением собрания сочинений Сковороды, изданного профессором Багалеем (Харьков, 1894), явилась возможность приступить к их изучению. Сковорода — философ-моралист: он действовал и живым словом, и сочинениями; понимая значение западноевропейской цивилизации, он вооружался против утилитарного направления умов, заглушавшего все высшие запросы духа; ответ на эти высшие запросы он нашел в Библии и в древней классической философии, которая предохранила Сковороду как от мистицизма, к которому он был склонен по природе, так и от рационализма XVIII века. Взгляд Сковороды на Библию представляет собой нечто среднее между чисто ортодоксальным и рационалистическим ее толкованием. Сковорода смотрел на Библию как на поэтическое творение, которое скрывает истину под внешними образами. Черпая философские идеи из древне-классической философии, Сковорода перерабатывал их согласно собственному настроению и тенденциям. В сфере религиозной Сковорода вел борьбу против бездушной обрядности и внешности; он протестовал против узкого понимания православия и христианства. Сковорода не признавал необходимости чудес, так как для познания Бога достаточно естественных источников, в которых он открывает себя обильно и очевидно. На философию Сковорода смотрит, как на фундамент и центр образования вообще: она есть жизнь духа, постоянное искание истины. В своей умозрительной философии Сковорода находился под сильным влиянием Платона, у которого он заимствовал определение души, ее природы и жизни. Изречение Сократа «познай самого себя» Сковорода объясняет в смысле познания своей высшей природы, духа, разума. Дуализм, по учению Сковороды, распространяется не только на человека, но и на весь мир: везде является материя и форма или идея. В учении о вечности мира и его бесконечности в пространстве и времени Сковорода отступил от Платона и находился под влиянием Филона. Практическая философия Сковороды находится в тесной связи с умозрительной: для истинно счастливой жизни нужно знание и мудрость; счастье состоит в душевном мире и сердечном веселии, для достижения его

нужно отдаться на волю Божию, что значить жить согласно с природой. Для достижения и личного счастья человека и общественного блага Сковорода советовал: не входить в «несродную статью», не несть должность, природе противную, не обучаться к чему не рожден; все это носит у Сковороды название «несродности». Указать свою сродность — одна из важнейших задач самопознания и раскрытия воли Божьей, пребывающей в человеке; вне удачного решения этой задачи не может быть для человека и речи о счастье. В своих философских сочинениях Сковорода, между прочим, выступал проповедником идеи национальности. Сковорода старался сочетать разум и веру: разум должен стремиться к отысканию истины, которая не дана человеку Богом, а постепенно открывается им — но наряду с разумом видное место занимает и вера. Весь мир состоит из трех миров: большого, малого и символического; большой (космос) — это природа; малый (микрокосмос) — человек; символический — Библия. В каждом мире существуют два начала: Бог или вечность и материя или временное; во всей природе дух господствует над материей. Как богослов Сковорода находился под влиянием восточных отцов и учителей церкви, в особенности писателей александрийской школы — Климента и Оригена, которые для постижения Св. Писания не довольствовались буквальным его толкованием, а посредством аллегорических объяснений стремились открыть внутренний его смысл. Еще больше, чем сочинениями, Сковорода имел для Украины значение всей своей жизнью: он был человек свобододобивый, с большой стойкостью нравственных убеждений, смелый в обличении местных злоупотреблений. Несмотря на некоторый свой мистицизм и семинарский, топорный и нередко неясный слог, Сковорода умел на практике быть совершенно понятным и вполне народным человеком во всей Украине тогдашнего времени. В Сковороде как бы олицетворилось умственное пробуждение украинского общества конца XVIII века. Повсеместно на Украине во многих домах висят портреты Сковороды; его странническая жизнь служит предметом рассказов и анекдотов, странствующие певцы усвоили его песни. Многочисленные сочинения Сковороды делятся, по форме своей, на философско-богословские и литературные труды. Первыми богословско-философскими сочинениями Сковороды были трактаты «Наркис, разглагол о том: узнай себе» и «Асхань, или Симфония о познании себя самого»; они посвящены вопросу о самопознании, который является исходным пунктом всего мировоззрения Сковороды. К этим двум трактатам примыкают «Разглагол о древнем мире» и «Беседа двое» (1772); в последнем сочинении говорится о двух мирах — ветхом и новом, о двух началах — тленном и вечном. Наиболее просто, удобопонятно и вместе с тем систематически Сковорода изложил свои взгляды на религию и христианство в сочинении «Начальная дверь ко христианскому благонравию» (1766); это — конспект курса, читаного молодым дворянам в харьковском коллегиуме. Специальными исследованиями, посвященными Библии, являются сочинения Сковороды: «Израильский змий» (1776), «Жена Лотова» (1780) и «Потоп змиин» (написан в конце 80-х гг.). „Дружеский разговор о душевном мире“ и „Алфавит мира“ (1775) — лучшие сочинения Сковороды, посвященные вопросу практической философии: в чем заключается счастье человека. Сочинения Сковороды «Борьба архистратига Михаила с сатаной» (1783) и «Пря бесу с Варсавой» являются мистическими и аллегорическими: основная тема их — «легко быть благим». К литературным сочинениям Сковороды принадлежат «Харьковские басни» (1774); каждая басня состоит из фабулы и силы, т. е. указания ее внутреннего смысла. К басням примыкают притчи «Благодарный Еродий» (трактуется о воспитании) и «Убогий жаворонок» (о спокойствии; написаны в 1787 г.). Наконец, Сковорода написал ряд стихотворений, большую часть которых он назвал «Садом божественных песней, прозябшим из зерн Священного Писания»: все они написаны на библейские тексты; некоторые представляют из себя похвальные оды различным лицам. Не вошли в состав «Сада» басни, эпиграммы, изречения. Некоторые стихотворения написаны на латинском языке. Кроме того, Сковороде принадлежат несколько переводов. Первым трудом Сковороды, появившимся в печати, был трактат «Наркис, или Познай себя», напечатанный без имени автора, под заглавием «Библиотека духовная» (Санкт-Петербург, 1798); затем были напечатаны его «Начальная школа по христианскому

добронравию» («Сионский Вестник», 1806, с кратким введением о его жизни), «Дружеский разговор о душевном мире» (Москва, 1837), «Беседа двоих» (Москва, 1837), «Убогий жаворонок» (1837), «Харьковские басни» (1837), «Брань архистратига Михаила с сатаной» (1839), «Сочинения в стихах и прозе» (Санкт-Петербург, 1861: 5 трактатов Сковороды; стихотворения, переписка и др.). Наконец, по случаю столетия со дня смерти Сковороды были изданы под редакцией профессора Д. И. Багаля «Сочинения Г. С. Сковороды» (Харьков, 1894), в которых собраны по возможности все сочинения Сковороды; по цензурным условиям не вошли в это издание «Жена Лотова», «Потоп змиин», а из трактата «Израильский змий» напечатан лишь отрывок. Литература о Сковороде довольно обширна. Впервые появились в печати сведения о Сковороде в статьях Гес-де-Кальве и Вернета (в журнале «Украинский Вестник», 1817, ч. VI), затем следуют статьи И. Снегирева (в «Отечественных Записках», 1823, ч. 16), И. И. Срезневского «Отрывки из записок о старце Сковороде» («Утренняя Звезда», Харьков, 1833), А. Хиджеу «Григорий Варсава Сковорода» («Телескоп», 1835, № 5 — 6); архимандрита Гавриила «История философии в России» (ч. 6, 1840); Г. П. Данилевского («Основа», 1862, № 8, 9); перепечатана в «Украинской Старине», X, 1866, и в «Сочинениях» Данилевского, т. 8; наиболее обстоятельная биография Сковороды). В 1886 г. было напечатано в «Киевской Старине» (IX кн.) «Житие» Сковороды, составленное его ближайшим учеником, М. И. Ковалинским, с предисловием профессора Н. Ф. Сумцова. Юбилейное издание сочинений Сковороды снабжено обширной критико-библиографической статьей профессора Д. И. Багаля, где подробно рассмотрена вся литература о Сковороде и сделан библиографический разбор его сочинений. Ср. также статью А. Я. Ефименко «Философ из народа» («Неделя», 1894, № 1); ее же «Личность Сковороды как мыслителя» («Вопросы философии и психологии», 1894, № 5); Ф. Зеленогорский «Философия Сковороды, украинского философа XVIII века» («Вопросы философии», 1894, № 3-4); А. С. Лебедев «Сковорода как богослов» («Вопросы философии», 1895, № 2); Д. Багаля «Украинский философ Сковорода» («Киевская Старина», 1895, № 2, 3, 6); статья Л. Н. Майкова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1894, № 12).